

13. ЧЕРВЯКИ И ЧЕЛНОКИ

Облака плыли в голубом небе. Строй комков застыл у гастронома. Старуха покупала маленькие шоколадки, просила пять штук. (Примечание: комок — торговый киоск; в лексику вошло в девяностых годах.)

Старушка следила, чтобы все шоколадки были в разной обертке. Молоденькая продавщица была настроена доброжелательно. Выложила в торговую амбразуру шоколадки, усмехнулась: "Что, бабуся, внука балуете?" — "Чтоб они подавились, — устало сказала старушка, — их аж пять. По два у милиционеров, один у шофера. Вечером приедут. Сыпь каждому карман семок, давай детям шоколаду. Попробуй не дай. Прогонят от магазина, выпишут штраф. Покупаем каждый день. Сегодня моя очередь."

"Мы тоже платим, — сказала девушка, — вы — фуражкам, мы — бритоголовым. Как неделя прошла — давай. На прошлой неделе не торговали. Но все равно дай за охрану. Только что приползали. Передай, говорят, шефу, чтоб не дурил, не то от вашего скворечника останется уголек."

"От паразиты! — Старуха вздохнула. — Скорее помереть бы, чтоб не видеть их." Забрала шоколадки, бережно, чтобы не поломать, положила в целлофановый мешок, тяжело, как утка, поковыляла к гастроному, на рабочее место у глухой стены, где на деревянных ящиках для бутылок рядом сидели две старухи-товарки, продающие семечки.

"Купила?" — спросили разом сидевшие. "Купила", — однословно ответила пришедшая. Села на свой ящик, в ожидании покупателя застыла, как скульптура Родена "Мыслитель".

Старуха на ящике — есть народная мыслительница. Паразиты сосут, но жить-то надо. Не помирать, а жить. Иначе зачем торговать?

Я смотрю на торгующих старух и начинаю верить, что все мы еще живы только потому, что все мы — продавцы, думающие о своем покупателе, и одновременно все мы — покупатели, ищущие своего продавца. Торгуем — значит, существуем.

Мне понадобилась мебельная ручка, каких сейчас не выпускают. В государственных магазинах их нет и быть не может. Но я не пал духом, а пошел на Червенский рынок в Минске. Следуйте за мной, кто еще не знает об уникальном уголке современности.

На прихваченной к рынку площадке поставили длинные, грубо сколоченные столы и скамейки. На скамейках сидели мыслители-мужчины в классической позе, то есть подперев подбородок кулаком. Некоторые

отступили от роденовского штампа, то есть оторвали кулак от подбородка, задумчиво курили или медленно тянули из горлышка пиво.

Все мыслители, канонические и не очень, наглядно показывали мне мыслительный процесс, свои, как говорится, шарики и ролики, разложенные на столах вместе с болтами, гайками, винтами, замками, ключами, гвоздями, сверлами, дрелями, ножами, проволочками, брусками, колесиками, звездочками, фитюльками, закорючками, загогульками, финтифлюшками, хреновинками, железками, деревяшками, медяшками, закидашками...

Хозяйственный рынок — это вам не шмотки, где что-то сверхапризное можно и не найти. На железке есть все. Чтобы выжить, настоящие мыслители дома ничего не выбрасывают, а на заводе подбирают то, что плохо лежит. И тащат сюда. (Примечание: *шмотки, железки, продукты, колеса* — секторы частного рынка; в лексику вошло в девяностых годах.)

Главный вопрос современного бытия — ЧТО ПРОДАТЬ? — привел на Червенский рынок и гениального мыслителя, который принес искомую мебельную ручку. Я был уверен, что она меня ждет. Потому что она мне нужна. Рынок — это не только конкретные товары и деньги, но и подсознательная сфера жизни людей. Если одному что-то нужно, второй это обязательно почувствует. Есть спрос — будет и предложение. Вот она, мебельная ручка! Мы за ценой не постоим, как поется о победе. Истинные чувства неоценимы.

Покупка нужной вещи — чувственный акт. Он на втором месте после любви. Контакт мыслящего продавца и ищущего покупателя — счастливый миг единения людей. Мы за ценой не постоим, следовательно, осчастливим продавца.

Почему государственные продавщицы так равнодушны или злобны? Потому что акт продажи-покупки для них не контактный акт. Мешает посредник — государство, отрывающее продавца от товара. Абстрактный товар словно секс по телефону. Продавщицы государственных универмагов несчастны, так как не испытывают оргазма. Почему частную торговлю называют двигателем экономики, благосостояния и всего остального? Потому что хочется еще и еще. Продавцу и покупателю.

Государство в торговом акте фригидно, ибо безлико и бесплотно. К эффективной торговле не способно. В странах, где государству хватило ума и мужества покинуть сферы торговли, освободившееся место мгновенно заполняют мелкие торговцы. При товаре мужчины и женщины делаются чувственны и мыслящи, их жизнь наполняется действием — и расцветает. Несмотря на прочие жизненные трудности.

В Беларуси человеческий расцвет длился с начала девяностых лет пять-шесть. Да, расцвет. Вопреки кризису государственной экономики. Наперекор падению в пропасть. Несмотря на бесплодность высших управленцев. БЕЛОРУСЫ — РАСЦВЕТАЛИ.

В начале девяностых государство из торговли не ушло, но и нам торговать особо не мешало. Не торговали только ленивые, опустившиеся, немощные, сопливые, чванливые, верующие в государство. К сожалению, таковых в обществе оказалось многовато, что обернулось массовой бедностью.

Зато как быстро поднялись и окрепли сумчатые белорусы! Их яркие сумки примелькались в аэропортах и на вокзалах всего мира. Переместив туда-сюда семечки и бананы, джинсы и сметану, шоколадки и автомобили, туалетную бумагу и стиральные порошки, крабовые палочки и куриные ножки, сумчатые выносили-вынянчили свое богатство, наше товарное пресыщение.

Мы начали забывать социалистический лексикон: *дефицит, блат, очередь, под прилавком, с черного хода, достать, выбить*. Мы, наконец, преодолели пустыню и, измочаленные, вошли в цветущий сад, сбросили с потных плеч тяжелые сумки, прилегли на травку, закрыли глаза. О, простодушные, как рано мы расслабились!

Яблони в цвету! Но не любуйтесь красотой, а под цветущей яблоней наклонитесь к земле.

Присмотритесь. Вы вздрогнете от ужаса, от омерзения. По голой почве, еще не покрывшейся растениями, ползут черно-коричневые усатые червяки. Со всех сторон червяки ползут к яблоне. Поднимаются на ствол, ползут до первого разветвления и там, в закутке-затишке, поджидают, пока яблоня завяжет плоды. Внедряются в плод и жрут его изнутри.

В ожидании пира червяки сплетаются в клубок величиной с мужской кулак. Так им теплее. К шевелящемуся клубку по стволу снизу вверх ползут и ползут уверенные паразиты, запрограммированные на то, чтобы съесть наши яблоки. Вспомните рассказ бабки о милиционерах, берущих семечки и шоколадки. Представьте каждого червяка в фуражке. Вы ощутите трагичность своего положения, о, сумчатые, потерявшие бдительность в оазисах благополучия.

Первый бизнес человека был торговый (меновый). Первые паразиты человечества взросли на торговле. Пираты и разбойники — вечные спутники бизнеса, товара, капитала. Сейчас их называют: *рэкетеры, гангстеры, мафия*.

В Белоруссии торговые паразиты появились тотчас после открытия первого комка. У нас, как везде в мире. Коль выросла яблоня, приползла плодоярка.

Существование паразитов (бритоголовых) работники торговли расценивают как неизбежность. К ним почти приспособились. Они забирают в разумных пределах. Рэкетеры тоже мыслящи. Если забрать всё, то ничего не останется на следующий раз. А то, что забирают сейчас, продавцы раскидывают на покупателей. Устанавливается некое равновесие.

Паразиты существуют, плодятся, но комки горят не часто. Это локальные очаги, не переходящие в опустошительный пожар. Подобный пожар способен учинить немыслящий рэкетир — государство.

До 1997 года (включительно) государству было не до нас, спасения ради бросившихся в торговлю. Советское государство разваливалось. Чиновники занимались приватизацией, коттеджами, восстановлением связей друг с другом. Президент формировал вертикаль, силовые структуры, общественное мнение. К концу 1997 года, к первой годовщине референдума, все кнуты и пряники были у президента.

Бессрочная забастовка мелких предпринимателей была организована их профсоюзом "Содружество", продолжалась четыре февральских дня (1998). Участвовало до 15 тысяч человек. Пустовали рыночные ряды Минска, всех крупных городов страны. К шмоткам присоединились продукты, колеса, уличные валютчики. Предприниматели несли в налоговые инспекции не деньги, а заявления о приостановке деятельности. В банках начались перебои с наличкой. Подскочили цены. Вернулся дефицит. Пошатнулась "стабильность". Президент бросился спасать ее, заморозил "методические указания" об уплате налогов из совокупного годового дохода.

Президент назвал крайнего — налоговый комитет. Дескать, новые правила тот ввел по своей инициативе, "задним числом", незаконно. Да еще вопреки указу о фиксированном налоге, который предприниматели за прошлый год уже уплатили. Комитет захотел взять второй раз. Без правительства, без парламента установил ставки.

В "самостоятельность" налогового комитета в авторитарной системе, подчиненной Одному, не верится. Однако нельзя не согласиться с президентом, что налоговики "бандитским образом" залезли в карманы "моих избирателей". Зачем же лезли? Чтобы подпереть падающую президентскую экономику. Только наивный может думать, что дополнительный сбор не был

просчитан, проташен по инстанциям, одобрен наверху, заложен в бюджет, с вожделением ожидаем.

Чтобы выкормить паразитов, предприниматели, коих президент иначе как "жуликами" не называет, должны отдать больше, чем заработали. И разориться. Граждане без предпринимательской жилки, доведенные государством до нищеты, обязаны платить налоги с материальной помощи, выделяемой при смерти, рождении, лечении, стихийном бедствии. В доход необходимо включать компенсационные суммы, выплачиваемые на питание, проездной билет, бассейн, экскурсию. Вещественные подарки надо оценить и приобщить к декларации. Если дошел до ручки и сдаешь вещи в комиссионку — выручкой поделись с чиновником-паразитом.

Ставки подоходного налога круто прогрессивны. Я сравнивал с российскими. При годовом доходе до 20 тысяч рублей россиянин платит 12 процентов налога. С аналогичного заработка в Белоруссии надо отдать 25 процентов. У россиянина с доходом 40 тысяч государство забирает 15 процентов, у белоруса — половину!!! Зачем работать? Ради чего бедным врачам, учителям, уборщицам, ученым мучиться по совместительству — чтобы МВД закупило импортные дубинки с шипами? Чтобы президентская охрана достигла размеров армии? Чтобы власти устроили очередной "славянский базар" по реанимации угасших звезд? И отправили на олимпиаду в Нагано амбициозно раздутую делегацию из 135 человек, назначили за медаль 40 тысяч долларов, перещеголяв богатейшие страны?

Встретив организованное сопротивление, президент с раздражением сказал, что "топот нельзя изображать" и пообещал "разобраться". Профсоюз призвал предпринимателей приступить к работе.

Белорусское телевидение. На экране Зимовский и Пласковицкий. Спасайся, кто хочет сохранить нормальной свою психику! Берегите детей от президентского журналиста и президентского юриста! Строители европейской деспотии 21 века внедряют в подкорку белорусов очередной закон, разработанный администрацией и предложенный парламенту для утверждения. Лучший в мире закон. Списан с американского, французского, немецкого, российского, китайского, но откорректирован с учетом наших национальных особенностей. Белорусы не могут жить по чужим законам. У белорусов свой путь. Они особенные. Они потеряли историческую память и родной язык. Белорусы не народ, а здешняя масса, продуцирующая телевизионных червяков. Концентрация червяков в клубке предельна. А они ползут и ползут — из президентской академии, из маминой сподницы, из папиной бутылки, из боевых традиций, из указов и декретов, из

чернобыльского бурьяна, из дверей Пашкевича и Киселя, из большевистского прошлого.

Увидишь панораму ползущих червяков — и теряешь надежду. Не будет у нас плодов. Еще не опустынена окончательно наша земля. Еще обилен весенний цвет. Но уже червива наша яблоня, оккупированная плодояркой. Если не хочешь, белорус, умереть под пустой яблоней от цинги, бери сумку, отправляйся в дальние страны за яблоками, заодно прихвати там одежду-обувку, а также колбасы, валерьянки и пива.

В ПУТЬ, ЧЕЛНОК! У тебя нет альтернативы, кроме собственного дела. Никто у нас не разбогател на государственной работе (заводе, учреждении), кроме чиновника.

На футбольном поле, где до трусов разоблачаются высокопоставленные мужи, прекрасно видно, как день за днем добреют они задом и брюхом. А ведь ведут спортивный образ жизни! На Червенской железке заметно, как усыхают и чернеют над своими шариками и роликами мужики, хотя ведут сидячий образ жизни. Торговля "бэушными" вещами не идет. На мебельной ручке бизнес не построишь. Заводские финтифлюшки не пользуются спросом: каждый натаскал домой, сколько хотел.

В путь за новым товаром, мыслители! Проявляйте гибкость ума. Полуработой-полубездельем, четверть-зарплатой сыт не будешь, не выразишь личный потенциал. Имейте в виду, что крупные предприниматели (Пупейко, Кудинов, Климов) оказались на нарах. Лучше челночного бизнеса на текущий момент не придумать.

Назначение челнока — протянуть нить, связать основы, выткать полотно, укутать человека. (Примечание: 1/челнок — рабочий орган ткацкого станка, прокладывающий поперечную нить между нитями основы при выработке ткани; 2/челнок — мелкий бизнесмен, перевозящий товары из страны в страну с целью перепродажи; в период социализма челноку по смыслу соответствовало *спекулянт*; как экономический термин вошло в лексику в девяностых годах.)

Мы — челноки, помыкаемые нуждой. Наш путь — туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. Прямолинейно идут лишь коммунисты. В замыслах и в делах. Что противоречит природе, сотканной броуновским движением и криволинейностью речек, световых лучей, мозговых каналов.

Напомню песню Перестройки. Французы едят, японцы хорошо едят, а русские идут. А кто там идет вместе с русскими (россиянами) нищей голодной толпой? Белорусы! А что они несут на своих худых плечах? Декреты президента.

Чтобы спастись, челноки-белорусы, нам надо проложить по миру как можно больше нитей-путей. ПРИВЯЗАТЬСЯ К МИРУ. Разорвать всё и вся у Лукашенко не хватит рук, даже если он будет президентствовать до 2006 года либо до 2011-го (проведя очередной референдум).

Кроме того, у Лукашенко развито биологическое чутье самосохранения, благодаря которому он изредка отменяет прямолинейно-губительные политические решения. Собственная природа подскажет Александру Григорьевичу не рубить наши нити. На них, как на парашюте, Беларусь плавно провалится в пропасть — и не разобьется.

1998

www.kamunikat.org